

Чурания (формулы-восклицания) в марийских прятках

М. А. Ключева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия), Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия); keymachine@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется игровая лексика в марийском языке: представлены и рассмотрены все зафиксированные в источниках словесные формулы чурания в марийских играх в прятки. Выявляется их высокая вариативность, связь с аналогичной лексикой в русских диалектах и игровом фольклоре соседних тюркских и финно-угорских народов, зачастую асемантический характер. Исследование показало, что формулы чурания в прятках, как правило, содержат наименование палки или звукоподражание стуку.

Ключевые слова: детская речь, диалектизм, игровой фольклор, марийский язык, народные игры, региональная лексика, десемантизация, языковые контакты.

Exclamation formulas in children's games of hide-and-peek in Mari

Maria A. Klyucheva

Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola, Russia), Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); keymachine@yandex.ru

Abstract. The article deals with game terminology in Mari. The research is based on a wide range of sources including academic and popular publications on the Mari language, folklore and ethnography texts, archival materials and recent field data, fiction published in Mari, etc. The article discusses about 20 exclamation hide-and-peek formulas from different dialects of Mari. As most of these are not captured by the existing published dictionaries, this research therefore is also a contribution into Mari

vocabulary studies. The paper reveals a wide variety of exclamation formulas used in different Mari settlements. Their connection with similar vocabulary in Russian dialects and with the game folklore of the neighboring Turkic and Finno-Ugric peoples (Tatars, Chuvash, Udmurts) is indicative of a high level of linguistic and cultural interaction in the Ural-Volga region. The processes of lexical item borrowing / penetration from other languages are often accompanied by semantic bleaching, typical of child language and game folklore. The paper also shows that exclamation formulas in hide-and-seek in Mari usually contain a component representing a name for a stick or an onomatopoeic expression for knocking. Previously, similar observations were made for Russian material. This typological feature of exclamations is a reflection of the evolution of the game procedure: while no stick is used in hide-and-seek today (for example, in city or in-house environments), the reference to a stick is still found in the formulae. Less often, Mari exclamations contain a derogatory name for the loser. Exclamation formulas are actively used in word-derivation and can serve as a base for game names, for the name of 'the odd man out' or his/her actions during the game, for game loci or for objects used in games, or for specific local names for "hide-and-seek" games. It is necessary to continue research into game terminology in the native languages of Russia. At present, of particular relevance are large-scale field studies involving recording and documentation of folk game vocabulary.

Keywords: child language, dialectism, folk games, game folklore, languages in contact, Mari language, regional vocabulary, desemantisation.

1. Введение

В статье рассматриваются словесные формулы чурания в мариjsких прятках. Чурание — это определенное действие в прятках: когда водящий кого-нибудь находит, он бежит к условному месту (кону), ударяет по нему и произносит определенные слова, например, в русском игровом фольклоре: «Чур за Машу!», «Туки-туки Саша!» и т. п. В свою очередь найденный сам тоже бежит к кону и старается зачураться раньше, чем это сделает водящий: «Чур сам за себя!» Последний ненайденный игрок может прибежать к кону и «освободить» всех со словами «Чур за всех!»

Как правило, такого рода формулы чурания представляют собой сочетание имени (местоимения) и особого слова, чаще асемантического

или асемантизированного, например: *Палы-выры за (Петю)!* (*палы-выры* < *палочка-выручалочка* или *палочки-выручалочки*). Рассмотрение формул чураний в прятках в русском языке [Ключева 2012: 50–54; Романий 2013: 16–17; Ключева 2014: 79–83] обнаруживает их высокую вариативность по регионам, а также показывает, что чаще всего в них содержится либо название палки (обычно в искаженном асемантизированном виде), либо звукоподражание удару палкой. Нередки в асемантических формулах чурания и иноязычные слова, например, в Крыму в прятках русскоязычные дети говорят *тупас* (< кр.-тат. *тупас* ‘неуклюжий’), в Челябинске — *баши*, в Кургане — *баши-баши* (< тат., тюрк. *баши* ‘голова, глава’). В этих примерах асемантическое слово восходит к наименованию водящего в субстратном языке.

Слова чурания имеют региональное или локальное распространение, легко преодолевают языковые барьеры, но словосочетания чурания оформляются в соответствии с грамматикой определенного языка, например, если на русском говорят: «Чур за Машу», то по-марийски — *Машалан чур* ‘Маше чур’. Именно по грамматическому оформлению словоформулы определяется ее язык в конкретной ситуации в билингвальной среде, когда сама лексика является «кочующей». Имеет место и своеобразное марийское фонетическое преломление общероссийской лексики чураний, например: *чыр* (редуцирование гласного: *и* > *ə*), *чурик* вместо *чур* (уменьшительный суффикс с характерным для марийского языка ударением); *тукá-тукá* (ед. ч., ударение на конечный *а* вместо более характерного для русского языка *тúки-тúки*, мн. ч.)¹. Как правило такого рода фонетические изменения заимствований ведут к асемантизации заимствованных слов, выражений, например: мар. *зáпырт* < рус. *заперт*; мар. *пакукрай*, *пакупрай*, *папукрай*, *укрательный палке* < рус. *украденная палка*, *палка украдена* и др. Существуют и специфические лексемы

¹ В русских диалектах также встречаются подобные варианты чурания: *тукá-тукá* (*длинная рука*) (Алма-Ата, Семипалатинск), *тук-тукá за себя* или *имя* (Томск, Узбекистан) [Романий 2013: 16], *тука-тука* (Снежинск Челябинской обл., Санкт-Петербург), *тук-тука* (Ташкент) [Ключева 2014: 80].

чураний, которые имеют ограниченное региональное распространение (например, *кулай*) либо зафиксированы только в марийских прятках, причем узко-локально: *чок*, *чонд(р)и*, *шашатурá*, *куук*, *иук-кук* — *ау*, *накас* ‘неповоротливый’, *өркы́* ‘лентяй’.

Не всегда в источниках с описаниями игр в прятки зафиксированы формулы чурания. Игра может происходить и без чураний, т. е. факт находки игрока не отмечается вербальным сигналом. Но наличие чураний можно реконструировать по названию игры, например, название прятков *кулай*, *кулайка*, *кулайки* в северо-восточных районах Республики Марий Эл указывает на использование там чурания *кулай*, даже если об этом не сообщается в описании игры. А названия игр в прятки типа *күр-гүлен* (в Моркинском районе РМЭ) указывает, что в этих играх было чурание типа **күр-гүр* (асемантическое, по-видимому, звукоподражательное слово). Ср. звукоподражательное *гөр-гөр* как название жмуток и прятков в татарском языке [Ганиев (ред.) 2002: 85].

В данной статье покажем все зафиксированные на данный момент в марийских прятках чурания с указанием их ареала и, опираясь на контекст российской игровой традиции XIX–XX вв., попытаемся выявить их происхождение и значение.

Материал исследования — корпус источников, двухтомный сборник «Марийские народные игры», подготовленный сотрудниками МарНИИЯЛИ к публикации в серии «Свод марийского фольклора» [МНИ 2016–2021]. В данном корпусе содержатся описания марийских игр из самых разных источников, отечественных и зарубежных, на разных языках, начиная с XVIII века до настоящего времени: из этнографических заметок, очерков, лингвистических работ и словарей, научных, научно-популярных публикаций и даже художественной литературы на марийском языке, которая в плане описания народных игр документально точна. Значительную долю в использованном сборнике составляют архивные материалы фольклорных экспедиций второй половины XX в. (МарНИИЯЛИ) и полевые записи современных исследователей. Цели, методы и уровень профессионализма собирателей были очень разными, папортизация данных не всегда достаточна, а в некоторых случаях

и вовсе отсутствует. Описания игр также очень отличаются по степени подробности, по мере отражения собственно марийской игровой лексики и пр. Надо отметить, что целенаправленные полевые исследования со специальными опросами по теме чураний в прятках у мари к настоящему времени не проводились. Как правило, собиратели-лингвисты, этнографы и др. среди прочего спрашивают: «В какие игры вы играли в детстве?», и информанты в свободной форме в удобном для себя объеме дают ответ на этот вопрос. В результате получается запись рассказа-мемората о детстве, об играх, из которого извлекается нужная информация². В перспективе представляется желательным фронтальное обследование деревень, картографирование игровой лексики по каждому населенному пункту. Но пока, насколько нам известно, ввиду большого объема и трудоемкости, такого рода исследования не проводятся ни на русском материале, ни на материале игрового фольклора народов России, и источниковедческая база нашего исследования, к сожалению, в какой-то степени фрагментарна.

Ссылаясь на источники, мы указываем год рождения информанта и место бытования игры (насколько это возможно). Помимо ссылки на сборник «Марийские народные игры», в статье даются и ссылки на первоисточник (публикации, архивные рукописи), кроме случаев, когда первоисточником служит художественная литература (см. указания «инф.-писатель», там же год и место его рождения) или современные, ранее не публиковавшиеся полевые записи автора статьи (по умолчанию), других собирателей (их имена указываются). Эта информация оставляет возможность для верификации использованных данных. В примерах сохраняется орфография источников.

² В настоящее время многие взрослые и пожилые мари, чье детство прошло в деревне, проживают в городах (в частности, в Йошкар-Оле), и наш сбор материала по играм часто происходит при опросе в городе (без выезда в экспедицию), при этом полученные материалы маркируются в данной статье по месту бытования игры — населенному пункту, в котором родился и/или провел детство информант. (В сборнике [МНИ] указывается и место фиксации, и место бытования игры (если они не совпадают), а также данные о переездах информанта, если таковые имеются.)

В ходе анализа марийских словесных формул чурания приводятся сравнительные материалы по игровой лексике соседних народов, почерпнутые из этнографической, фольклористической литературы и словарей, например [Баязитова и др. (сост.) 2009; ЧРС; СРНГ; Покровский 1895; Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933] и др. В корпусе источников по играм в прятки у русских детей важное место занимают современные специализированные обзоры чураний, сделанные по результатам поиска в интернете, в частности, см. лингвофорум [ГД] и обобщенные публикации материалов по чураниям в прятках в [Романий 2013; Ключева 2014]. Исходя из методологической эффективности сбора фольклорного материала в интернете, мы апробировали этот метод и по отношению к марийскому фольклору — осуществляли поиск по «Корпусу лугового марийского языка» Тимофея Архангельского (Подкорпус социальных сетей) [КЛМЯ]. Однако пока результат оказался отрицательным, материалы по чураниям в марийских прятках в этом подкорпусе не обнаружены. Вместе с тем в крупных корпусах литературного марийского языка материалов по детским играм, в том числе по пряткам, достаточно много, и они учитывались в данном исследовании (помимо Корпуса Архангельского мы работаем с Национальным корпусом марийского языка МарНИИЯЛИ [КМЯ] и Марийским корпусом Арктического университета (Норвегия) [МКАУ]).

Дальнейшее изложение в статье выстраивается как последовательное рассмотрение конкретных формул чурания в марийском языке (*Раздел 2*). Сначала представлены очевидные русские заимствования (*туки-туки (тука-тука, тук-тук), пакукрай (пакупрай, папукрай), укрательный палке, запьрт, ура, ари шаваши*); далее — региональная лексика, наиболее проблемная с точки зрения этимологии (*кулай, чур (чурик, чур, чыр)*) и специфические чурания в единичных фиксациях (*ать, луаткок панды, накас, ёркы, чок, чондри (чонди), шашатура, укук-кук — ау, куук*). В *Разделе 3* представлены материалы к реконструкции слов-чураний на основе смежной лексики игры (*күргүлен модаш* ‘играть в прятки’, *вырчык-вырчык* ‘игра в прятки’, *оприса модыш* ‘игра оприса’, *штукла* ‘в штук(у)’). В завершении статьи (*Раздел 4*) сформулированы выводы.

2. Чурания в марийских прятках

2.1. Туки-туки

Чурание *туки-туки* зафиксировано только в поздних записях (2010 г.) от информантов 1987–1992 г. р. (луговые мари, носители моркинско-сернурского говора). Ареал: с. Кукнур Сернурского р-на, д. Чодраял Моркинского р-на, п. Мари-Турек РМЭ [Ключева 2014: 70, 80, 84, 386, 910; МНИ: № 852, 853, 872]. Но ср. также название игры *тук-тук* (без описания игры и без указания места) [Васильев 1926: 211; МНИ: № 269]. Вариант произношения: *тука́-тука́* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ), *тук-тук Маишалан* ‘Тук-тук Маше’ (там же в игре типа двенадцать палочек³) [Ключева 2014: 88; МНИ: № 910]. Производные: в п. Мари-Турек используется глагол *туки-тукнуться* ‘зачураться’, там же лексема *туки-туки* выступает и как название самой игры в прятки, тогда как в д. Чодраял игра называется *шылын модаш* ‘играть в прятки’, а в с. Кукнур — *шыл-кум* ‘прятаться-жмуриться (только основы двух глаголов без показателя инфинитива)’. Полная формула чурания: *Туки-туки я / (Люда)* (с. Кукнур), как и глагол *туки-тукнуться* явно указывает на проникновение этой лексемы и самой формулы чурания из русского языка. Фактически в данном случае марийские дети-игроки выступают носителями русского игрового фольклора. Звукоподражательные слова *тук*, *тук-тук* в марийском языке тоже отмечены [СМЯ VII: 238; Иванов (отв. ред.) 2011: 285], но не являются исконными словами, отсутствуют в диалектологических словарях горного наречия [Саваткова 1981], северо-западного [Иванов, Тужаров 1971], марийских говоров Татарстана и Удмуртии (восточного наречия) [Вершинин 2011] и в фундаментальных диалектологических словарях Э. Беке [Beke IV₈], А. Моисию и С. Сааринен [Moisio, Saarinen 2008].

³ Двенадцать палочек — вариант игры в прятки, в котором используются палочки и «качелька» из кирпича и доски. В начале игры один из игроков наступает на доску, и сложенные на нее палочки разлетаются. Пока водящий собирает палочки обратно, остальные игроки разбегаются и прячутся.

В русском игровом фольклоре ареал чурания *туки-туки* чрезвычайно широк: Калининград, Санкт-Петербург, Новгород, Орел, Ставрополь, Москва и Московская обл., Рязань, Нижний Новгород, Вологда, Киров, Чайковский (Удмуртия), Пермь, Уфа, Набережные Челны (Татарстан), Ульяновская обл., Самара, Саратов, Астрахань, Орск (Оренбургская обл.), Нижневартовск, Кемеровская обл., Абакан, Магадан; Белоруссия (Минск, Витебск, Слуцк), Украина (Киев, Львов, Кривой Рог), Литва (Клайпеда, Паланга, Вильнюс), Эстония (Таллин). Варианты этого чурания: *тюки-тюки* — в Архангельске и Самаре, *туки-луки* — в Иваново и Перми, *туки-баки* — в Вологде и Вологодской обл., *тук-тук* — в Москве и Московской обл. (Реутов), в Саратове, Астрахани, Уфе, Томске, в Слуцке, Минске, Киеве, Риге, *стук-стук* — в Ульяновской обл., Саратове, Краснодаре, Кшиине, *стуки-стуки* — в Вологде [Ключева 2014: 79–80], *тукелá* (Чувашия) [Городские диалекты], *туки-та* — в Красноярске, на Сахалине (по нашим данным), а также *туки-та*, *ту́ки-ту́ки-та́* — в Екатеринбурге, Тюмени, Омске, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, *ту́ки-та́к* и *ту́ки-та́ки* в Екатеринбурге [Романий 2013: 16], см. также материал в сноске 1. Но в русском игровом фольклоре РМЭ, в Казани, вместо *туки-туки* чаще используется чурание *чур* [Ключева 2014: 82], то же в Зеленодольске — городе на границе РМЭ и Татарстана [Романий 2013: 16]. В русском языке *тук*, *стук* — звукоподражательные по происхождению слова [Фасмер III: 787; 4: 116], при чурании в прятках обычно используются в форме множественного числа (*туки*) и подвергаются редупликации.

2.2. Пакукрай, пакупрай, папукрай, укрательный палке

Чурания *пакукрай*, *пакупрай*, *папупрай* зафиксированы в прятках с палочкой⁴ только у горных мари. Варианты: *пакукрай*

⁴ В прятках с палкой при чурании ударяют по условному месту не рукой, а палкой, которая лежит рядом. Водящий эту палку охраняет, а игроки стараются незаметно выбежать, схватить ее и зачураться.

(выселок Революция Пайгусовского с/п Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1955 г. р.) [МНИ: № 878], *пакукра́й* (в окрестностях с. Микряково, инф. 1946 г. р.) [МНИ: № 1842], *пакупра́й* (с. Микряково Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1989 г. р.) [МНИ: № 877]. Записанные в источниках формулы чурания не содержат имени, местоимения: *Паку*, *пакукра́й*, *пакукра́й* [МНИ: № 878], *Пакукрай раз*, *пакукрай два и т. д.* [Ключева 2014: 79, 379; МНИ: № 877]. Они асемантически, но происхождение *пакукрай* прозрачно для информанта 1955 г. р., которая в своем рассказе об игре сообщает:

- (1) *Ти «пáлку укра́й» ру́шила э́че. А ма́же пакукра́й маньна́.*
 ‘Это по-русски еще «палку украл». А мы говорим *пакукра́й*’.

Т. е. русская формула чурания, проникшая в марийский игровой фольклор, имела вид типа «палку украл (палка украдена, украденная)». К тому же в одном из приведенных выше вариантов используются числительные на русском языке. Ср. в д. Вельшурга Моркинского р-на МАССР (луговые мари, инф. 1948 г. р.) в 1960 г. зафиксирована формула чурания: *Тудо (мутлан Саню) укрательный палке* ‘Он (например, Саня) украденная палка’ [МФЭ-60: № 9, л. 28, № 75; МНИ: № 804] такого же происхождения.

В русском игровом фольклоре очень много формул чурания и названий игр в прятки со словом «палка», «палочка», например: *палочка-воровочка*, *палочка-(по)стукалочка*, *палочка-ручалочка*, *палочка-каталочка*, *палочка-выручалочка*, *черная палочка*, *палочка-татарочка*, (играть) *палочкой ворованной* и т. д. [СРНГ XXV: 175], *палочка-воровка*, *палочка-стуколка*, *стукалка*, *застукалка*, *скралка*, *гай палочка* и др. [Покровский 1895: 113], в Московской области — формулы чурания: *подскрал за себя (за Женька́)*, *скрал-пал за...*, *скралы-палы*; на Украине — *пале-стукале*, *пали-стукали*, *стукалли-пали* и т. п. [Ключева 2014: 81–82]. А наиболее близки к варианту, из которого произошло заимствование в марийский, вятское *краденая палочка* [Покровский 1895: 113–114], архангельское *палочка украдена* ‘детская игра в прятки’ [СРНГ XXV: 175], а также вятское *Кулай-кулай*, *палочка*, *кулай-кулай крадена* (слова прячущихся игроков-«оленей») [Покровский 1895: 113–114].

Ниже (в *Разделах* 2.3–2.5) рассматриваются чурания, которые являются единичными фиксациями в марийском игровом фольклоре. При явном заимствовании из русского языка, их прототипы в русском игровом фольклоре привести затруднительно ввиду недостаточности материала.

2.3. *Запырт*

Запырт — название игры «в прятки с палочкой, в которую играли ночью у костра, когда летом пасли коней (в ночном). Бросали прочь от костра палку и прятались, а водящий искал и приносил палку обратно, после чего начинал искать спрятавшихся. Если кого-то найдет, бежал к палке и, взявшись за нее, говорил: (*Нина*) *запырт*» (д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ, инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 885]. Для информанта чурание *запырт* — асемантическое слово. Очевидно, что это марийское искажение от русского *заперт* (< *запертый* < *запереть*): игрок (как бы пленник или животное) пойман и заперт водящим-пастухом. Отметим также, что при женском имени в примере (*Нина*) отсутствует согласование краткого причастия по роду: *заперт* вместо *заперта́*. (В марийском языке нет категории рода.)

2.4. *Ура*

Ура́ — чурание в игре в прятки (типа двенадцать палочек) и название этой игры: *Ура́ (силин модмаш)* ‘Ура (игра в прятки)’ (д. Азиково Кильмезского р-на Кировской обл., инф. 1951 г. р.) [МНИ: № 817]. «Ура» кричит последний ненайденный игрок, если ему удастся подобраться к кону (условному месту, где чураются):

- (2) *Сильме местá гычын кўржын лектеш — раз! и чот пералта́ (тошкалеш онá мучáшьым), и кичкирла́ «ура!»*, и чиля́м спаса́ет. И по новой значит чиля́кын силит.

‘Выбегает из укрытия — раз! — и сильно ударяет (наступает на конец доски) и кричит «ура́!», и всех спасает. И по новой, значит, все прячутся’.

Междометие *ура*, выражающее радостный крик, включено в нормативные словари марийского языка [СМЯ VIII: 84; Иванов (отв. ред.) 2011: 301; Саваткова 2008: 299], но отсутствует в диалектологических словарях [Васильев 1926; Иванов, Тужаров 1971; Веке IV; Moisio, Saarinen 2008; Вершинин 2011]. В русском игровом фольклоре встречается в вышибалах (игре с мячом): вышибающий бросает мяч (вверх) и говорит «салют!», и игроки должны кричать «ура!» (Казань, Коми) [Ключева 2014: 135]. Аналогично в п. Оршанка РМЭ [Ключева 2014: 132]. А в п. Куженер РМЭ игроки кричат в такой игре «ура!», когда водящий бросает мяч вверх со словом «Москва!» [Ключева 2014: 134]. Ситуативно это восклицание может иметь место и в играх в войну, например, когда дети изображают, как солдаты бегут в атаку. В русском языке междометие *ура* является заимствованием из немецкого, хотя есть версии его тюркского происхождения [Фасмер IV: 166]. Ср. аналогичный возглас в европейских языках: нем. *hurra*, англ. *hurrah* (или *huzzah*, *hooh*), фр. *hurrah* и др.

2.5. *Ари шаваш*

Ари шаваш — название игры в прятки типа двенадцать палочек у горных мари (д. Юльялы Горномарийского р-на РМЭ, зап. Е. В. Кашкин в 2017 г., инф. 1963 г. р.) [МНИ: № 896]. В рассказе об игре ее название не объясняется, и сама формула чурания не произносится, но, по мнению информанта, это русская игра:

- (3) *Ари шаваш играли, ну, это русская игра, наверно, тоже?* [Соб.: А я не знаю. Что это за игра?] *Ари шаваш — это ну, постарнат, команды постарна. Иктйт орол лиэш.*
 ‘(...) *Ари шаваш* — это, ну, соберутся, команда соберется. Один будет сторожем’.

Вероятно, *ари* — от русского глагола *ори* (< *орать* ‘кричать’ в повелительном наклонении), а *шабаши* ‘всё, конец’ [Саваткова 2008: 329] соответствует русскому *шабаши* ‘довольно, кончено, баста’⁵.

2.6. Чурик, чур, чыр

Ареал и фиксации: первая запись чурания *чурик* (*íšuri-k*) в марийских прятках относится к д. Петрушин Уржумского уезда Вятской губернии:

- (4) *erβèžlak mò·dât pò·ndâm kudalte-n; ì·ktâ pòndâla-n kajà·, βèšâlak šilâ·ltât; βara· tù·dâ pò·ndâm mî·è-n nalè·š; iktâ·žâm uzè·š, m^u·è·š, βara· kalašâ;* “*íšuri-k, mane·š, miñ mùm,*” — *mane·š; βara· íšila-n lè·ktât; kù·dâm íšuralte-n ku·šè-n, tù·dâ pòndâla-n kajà· βara·* ‘Ребята играют в бросание палки. Один идет за палкой, остальные прячутся. Потом он приходит с палкой. Кого-нибудь увидит, найдет и говорит: «Чурик, — говорит, — я нашел». Потом все выходят. Потом тот, кого поймал, идет за палкой’ (зап. в 1916–1918, инф. ~1882 г. р.) [Веке IV₉: 3199; МНИ: № 798].

От информанта из д. Средний Ядыкбеляк Уржумского у. Вятской губ. (ныне Новоторъяльского р-на РМЭ) Беке записал еще одну игру с названием *чурик*, больше напоминающую догонялки с палкой:

- (5) *ʔrβè-šâ·mâšš mò·dât, βè·sâže mî·è-n šuralte-n goltâ· tojâ· dèn,* “*íšuri-k,*” *mane·š, βara· kôm šuraltà; tudo lî·e·š toja·βòndo oza;* *mòlê-šâ·mâššâm poktà; mò·lâšt ò·yât pū šuraltà·š.* ‘Ребята играют, а другой (водящий) приходит и тыкает палкой, говорит «чурик»; потом тот, кого ткнет, становится хозяином палки; он догоняет остальных, остальные не дают себя ткнуть’ (инф. ~1885 г. р.) [Веке IV₉: 3199; МНИ: № 1083].

⁵ В русском языке слово *шабаши* через посредство немецкого и польского языков восходит к древнееврейскому названию субботы [Фасмер IV: 391]; о рус. глаголе *орать* см. [Фасмер III: 149].

Наши фиксации 2010–2018 гг. указывают на разрозненное распространение чурания *чур* в прятках по территории РМЭ: в игре *шилмыла* ‘в прятки’ (д. Куршембал, д. Полевая Обшиярского с/п Волжского р-на РМЭ), в игре *шыл мадмы, шылын мадмы, шылмыллы* ‘в прятки’ (д. Сарлатово Горномарийского р-на РМЭ) [МНИ: № 826], в игре *чур* (д. Алеево Советского р-на РМЭ, зап. М. В. Репина в 2013 г., инф. 1969 г. р.) [МНИ: № 851], в игре *прятки* (д. Большой Шургумбал Советского р-на РМЭ, самозапись в 2013 г. М. В. Репиной, 1991 г. р.) [МНИ: № 876], в игре *она ден* ‘с доской’ типа двенадцать палочек (д. Мари-Кошпай Параньгинского р-на РМЭ) [МНИ: № 905]. Вариант: *чыр* — в игре *онам тошкал модмаш* ‘игра в наступание на доску’ (д. Сардаял Мари-Турекского р-на МАССР) [Ямде лий. 1991, 25 мая, № 21 (1965): 8; МНИ: № 903]. Наличие глагола *уцураш* ‘зачурать’ в северо-западном наречии указывает на чурание *чур* в этом диалекте, см. в игре *В супрятки* (с. Большие Селки Тоншаевского р-на Горьковской обл., инф. ≈1948 г. р.) [МФЭ-61 № 16, л. 19, № 34; МНИ: № 840]:

- (6) *Если цылаштым уцура, то ком первыйым нашел, тудо водит.*
 ‘Если всех зачурает, то кого первым нашел, тот водит’.

Ср. глагол *чурла* ‘зачуривает’ (о действии водящего) в игре типа «двенадцать палочек»: *Она тошкалмыла* ‘В наступание на доску’ (Кужмаринский с/с Советского р-на МАССР) [МФЭ-76: № 101, л. 31, № 14.5; МНИ: № 902]. В самом описании игры формулы чурания не содержится, но этот глагол *чурлаш* (с суффиксом *-л-*, который является регулярным вербализатором в марийском) указывает на чурание «чур» в этой игре.

Ср. также не в прятках: 1. мар. В (елабужское) *чурчурла* ‘в чурчур’ — игра типа городков (д. Иж-Бобья (Починга) Граховского р-на Удмуртии), в которой сбиваемый предмет называется *чурчур-панга*, а палка, которой бьют — *чурчур-тоя* [Вершинин 2011: 680; МНИ: № 1465]; 2. мар. В (мензелинское) *чурчур* — игра в ловлю зайца [Вершинин 2011: 680; МНИ: № 1082]; 3. *чурик* — название игры в догонялки с палочкой (д. Средний Ядыкбеяк Уржумского у. Вятской губ.) [Веке IV₉: 3199; МНИ: № 1083]; 4. *чурни пангала* ‘в палочку

чурни' — игра с метанием палок типа мухи (д. Якайсола Советского р-на МАССР) [МФЭ-82: № 131, л. 38, № 13; МНИ: № 1396]⁶.

Формулы чурания в прятках: *tʃuri-k, miŋ tɪt* 'Чурик, я нашел' (д. Петрушин Уржумского у.), *чур-чур!*, *Чур-р-р!* *Вот мый толын шунам, чур-р-р!*⁷ 'Чур-р-р! Вот я прибежал, чур-р-р!' (д. Мари-Кошпай Параньгинского р-на РМЭ), *Алёша, чыр, Таня, чыр* 'Алеша, чур, Таня, чур' (д. Сардаял Мари-Турекского р-на МАССР); *чур за Сашу!* (*Машу, Катю* и т. п.) (д. Алеево Советского р-на РМЭ), *чур у дерева!* (д. Большой Шургумбал Советского р-на РМЭ), «чураются по-русски (...) в Горномарийском, Моркинском, Волжском и др. р-нах — *чур за (Люду)*» [Ключева 2014: 84; МНИ: № 850], *Чур меня* (Волжский, Звениговский, Моркинский р-ны РМЭ) [Ключева 2014: 82].

Как сказано выше, у русскоязычных в РМЭ, в частности, в г. Йошкар-Ола, основным чуранием в прятках является именно *чур*. Его ареал в русском детском игровом фольклоре, помимо Марий Эл: Казань, Зеленодольск [Романий 2013: 16], Тула (*чур-палочки (Саша)*), г. Дмитров Московской обл. (*Чур-чура-чурики*), Оренбург (*Кул-кула — чур сам за себя*), Украина [Ключева 2014: 82], Мурманская обл. (*обчуркаться* — сказать «чур» в игре в ухоронки) [СРНГ XXII: 267];

⁶ Слово *чурни* связано с восклицанием на русском языке «чур не я!», которое присутствует в ряде считалок на русском языке, бытовавших в среде марийских детей, например:

На дворе стояли дети,

Все сказали: «Чур, не я»

(д. Немда-Обалыш Новоторьяльского р-на МАССР, инф. ~1973 г. р.) [МФЭ-84 № 141, л. 52, № 241; МНИ: № 425].

Вар.:

На горе стояли дети

И кричали: «Н'амла чурня!»

'На горе стояли дети

И кричали: «В догонялки чур не я!»

(с. Шиньша (Кўшыл Шеншы) Моркинского р-на МАССР, инф. ≈1962 г. р.)

[МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [12]; МНИ: № 422].

⁷ Чурание *чур-р-р!* выкрикивается на высокой ноте.

не в прятках: Астраханская губ. (*чур-коны* — вид игры в камушки) [Покровский 1895: 341], Херсонская губ. (*чур-жыд* — игра типа пыжа с шаром) [П. П. 1902: 405], Вологда (*чур за пекаря* в игре типа пыжа) [Ключева 2014: 166], г. Черноголовка Московской обл. (*чурáчить* — говорить приговорку со словом «чур», например: «Чур не матка!», «Кто чурачил, тот и начал») [Ключева 2014: 78]. О функционировании слова *чур* в русском детском фольклоре XX века см. также [Борисов 2008: 640–641].

В русском языке *чур* — междометие (разговорное), выражает требование соблюсти какое-либо условие, какой-либо договор (обычно в играх). Этимология русского восклицания *чур* отражена в словарях [Фасмер IV: 385–386; Трубачев (ред.) 1977: 134; Шапошников (сост.) 2010: 532] и специальных исследованиях, например, в статье «Чур и чушь» [Толстой 1995: 364–370], не говоря уже о более ранней огромной литературе, посвященной этому вопросу, в которой преобладала идея (отвергнутая современными славистами), что слово *чур* является неким именем мифологического персонажа. Но в перечисленных источниках нет солидарного решения, и за основную версию этимологии слова *чур* принимаются разные объяснения, высказанные осторожно: 1) «может рассматриваться как нерегулярное (экспрессивное, эвфемистическое) преобразование слова **čьrta*» ‘черта, линия’ [Трубачев (ред.) 1977: 134]; 2) «от праслав. **чурь* или **шчурь*, первоисточником которых считают и.-е. **[s]keu-* ‘резать, отрезать, отделять» [Шапошников (сост.) 2010: 532], это версия С. Младенова (и.-е. **skeur-* ‘резать»), приведенная также в [Фасмер IV: 385]; 3) Н. И. Толстой оценивает эти версии как «нецелесообразные» и предлагает «в качестве исходного **kour-* (с переогласовкой дифтонга **keur-*) ‘*penis*’; ср. сербск. *кўрац*, болг. *кўрчо*, словенск. *kūrec*» [Толстой 1995: 366]. М. Фасмер лишь дает обзор различных версий, воздерживаясь от утверждений. Важно отметить, что слависты О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой не рассматривают в контексте *чур* слова: *чурка*, *чурбан* и т. п., т. е. считают подобные наименования деревянного предмета гетерогенными к междометию *чур*, тогда как «другие предполагают родство с *чўрка* ⟨...⟩, принимая при этом для *чурь* значение “межевой, пограничный столб”» [Фасмер IV: 385],

также как производное от *чур* рассматривается *чурка* в [Шапошников (сост.) 2010: 532].

Вместе с тем Трубачев и Толстой солидарно отвергают идею Готьо о чувашском происхождении восклицания *чур* (от чув. *чар* ‘останавливать’), изложенную среди прочего в [Фасмер IV: 385]. Однако позволим себе сопоставление с другой болгарской лексемой, существенной для этимологии русского слова *чурка* ‘деревянный обрубок’. Если *чурка* в русском языке не является исконным словом славянского лексического фонда (отсутствует в «Этимологическом словаре славянских языков» [Трубачев (ред.) 1977]), имеет смысл сопоставление с чув. *сурка* (*суркам*, *соркам*) ‘осколок, часть (разбитого топором)’, *сурккам* ‘часть баклуша, разбитого топором’, ‘осколок, полено’ [ЧРС] < чув. *сур* ‘разорвать надвое, разорвать; распороть, разбивать (голову); колоть, раскалывать; рубить; пилить; рвать вдоль и др.’; *сур* (*сураś*) ‘половина’ < ОТю *йа:ры* ‘половина’ (*йа:рты*, *йа:рны*, *йа:рым*), *йа:р* ‘рассекать’ < ДТю *jarit* ‘половина’, *йар* ‘расщепить, раздвинуть, разбить’, *йарык* ‘щель’, *йарыл* ‘треснуть, расколотся, расщепиться’ [Федотов 1996b: 139–140; Левитская (отв. ред.) 1989: 146]. Тогда изначальное значение слова *чурка* — половинка расколотого полешка (ср. объявления и интернет-мем «Продаются дрова, колотые чурками»), а далее значение слова расширяется на короткие округлые полешки и др. В языках Поволжья можно выделить связанный с этим корнем пласт игровой лексики, обозначающей деревянные предметы разной формы: мар. *чурика*, *чöрака*, *шäрäкä*, *шäркä*, *шарка*, удм. *шарака*, *шарка*, морд. М *чяряка*, *шяряка*, тат. *шэрäкä*, *шүрэкä*, *чүрэкä*, *чүрэкäй*, *чүрки*, баш. *сүрэкä*, *сөрэкä* [Ключева 2016b: 444–448]. Формы с *a* (*ä*) в первом слоге отражают ДТю и ОТю вокализм, а *y* (*ү*) — характерный чувашский переход *a* > *y* в вокализме первого слога. Считать всю эту лексику заимствованиями из русского было бы упрощением. Мы полагаем, что *чур* в марийских прятках (сокращение от *чурка*)⁸ — это региональное

⁸ Примеры подобных сокращений в русском — *чура*ния: *палы-выры*, *пол-выры*, *пала-выр*, *пары-выры*, *пара-выра*, *пары-пары* и т. п. (Москва) < *палочка-выручалочка*; *вода*, *вада*, *вадя* < *водящий* (*вадящий*) [Ключева 2014: 81–82, 77].

слово тюркского (булгарского) происхождения, хотя в конкретных случаях, например, когда чурание происходит по-русски, имеет место и вторичное проникновение в марийский из русского языка.

2.7. Кулай

Чурание *кулай* и с редупликацией *кулай-кулай* широко распространено в играх типа прятки, в том числе в прятках с палочкой и в игре типа двенадцать палочек. Ареал — восточные районы РМЭ (Мари-Турекский, Параньгинский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский, Моркинский) и Уржумский р-н Кировской обл. [МНИ: № 801, 854–871, 889, 891]. При этом название игры может быть одноименным чуранию, например: *Кулай дэнэ модмо* ‘Игра в кулай’ [Васильев 1926: 83; МНИ: № 801], *Кулай ден* ‘В кулай’ (д. Мари-Пижай ныне Сернурского р-на РМЭ, инф.-писатель 1901 г. р.) [МНИ: № 854], *Кулайла* ‘В кулай’ (с. Верхняя Шиньша Моркинского р-на РМЭ, инф. ≈1962 г. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 5, л. [10] об.; МНИ: № 830], *Кулай* (д. Чобыково ныне Новоторъяльского р-на РМЭ, инф.-писатель 1923 г. р. [МНИ: № 855], д. Аганур, Саламантур Куженерского р-на МАССР, зап. в 1980 г. [МФЭ-80: № 114, л. 23, № 10.3.2; МФЭ-80: № 115, л. 14, № 8.2; МФЭ-80: № 117, л. 10, № 7.1; МФЭ-80: № 116, л. 1, № 1.2; МНИ: № 856, 857, 858, 891], д. Мари-Шои Куженерского р-на МАССР, зап. в 1990 г. [МФЭ-90: № 172, л. 28, № 20.3; МНИ: № 863], д. Ахматенер Сернурского р-на МАССР, зап. в 1984 г. [МФЭ-84: № 142, л. 88, № 48.2; МНИ: № 861]), *Кулай-кулай* (моркинско-сернурский говор мар. Л) [Гордеев 1982: 91; МНИ: № 860], *Кулай-Кулай* или *Кулайка* (п. Мари-Турек, д. Яндемирово Параньгинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 77; МНИ: № 866], *Кулайки* (п. Новый Торъял РМЭ, д. Ешпаево Уржумского р-на Кировской обл.) [Ключева 2014: 77; МНИ: № 865], *Кулайка* (п. Параньга) [Ключева 2014: 83; МНИ: № 867]; *Кулай-кулай* (с палкой) (п. Мари-Турек, п. Куженер РМЭ) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868], *Кулайки* (с палкой) (п. Мари-Турек, п. Куженер, с. Салтакъял Куженерского р-на) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868], *Кулайка* (с палкой) (с. Юледур Куженерского р-на,

д. Николашкино Параньгинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 84–85; МНИ: № 868]. Но название игры может и не включать звучащего там слова-чурания *кулай*, например: *латкок пангала модьш* ‘игра в двенадцать палочек’ (с. Шиньша Моркинского р-на) [МФЭ-60: № 7, л. 20 об., № 188; МНИ: № 889], *шестипалка* (д. Визимбиль Куженерского р-на МАССР) [МФЭ-80: № 119, л. 21, № 22.3; МНИ: № 900], *пратки* (д. Березники Сернурского р-на, д. Николашкино и Яндемирово Параньгинского р-на, п. Параньга, п. Мари-Турек, п. Новый Торъял РМЭ) [Ключева 2014: 77, 379, 82–83, 85; МНИ: № 873], *пратка* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ) [Ключева 2014: 77, 82; МНИ: № 874].

Формулы чурания: *Риталан кулай* ‘Рите кулай’ (д. Саламатнур Куженерского р-на РМЭ) [МФЭ-80: № 116, л. 1, № 1.2; МНИ: № 891], *Кулай-кулай*, *Йыван* (д. Визимбиль Куженерского р-на РМЭ) [МНИ: № 900], *Кулай*, *Кулай! Мый улам!* ‘Кулай, кулай! Это я!’ (д. Чобыково (?) Новоторьяльского р-на РМЭ) [МНИ: № 855], *Эчан, кулай!* [Китиков 1993: 27–28; МНИ: № 864], *Кулай-кулай, мый ышкемым утарем* ‘Кулай-кулай, я себя спасаю’ или *Кулай-кулай, мый чыла-лаштым утарем* ‘Кулай-кулай, я всех спасаю’ (п. Куженер РМЭ) [МНИ: № 868]; *Кулай-кулай (Маиша)* или *Кулай-кулай сам за себя* (п. Мари-Турек, Куженерский и Параньгинский р-ны) [МНИ: № 868], *Кулай-кулай, сам за себя* (п. Мари-Турек) [МНИ: № 873], *Кулай-кулай (сам за себя)* (п. Новый Торъял, п. Мари-Турек РМЭ, д. Ешпаево Кировской обл., инф. 1989–1993 г. р.) [Ключева 2014: 82; МНИ: № 865].

Варианты: *Юра, клай-клай!* в одноименной игре *клай-клай дене модмаш* ‘играть в клай-клай’ (д. Лопово Мари-Турекского р-на МАССР, инф. ~1972 г. р.) [МФЭ-81: № 125, л. 8–9; МНИ: № 859], *Кула́-кула́* в игре *пратка* (д. Чодраял Моркинского р-на РМЭ) [МНИ: № 874], *Кулай-кулай, кут-кут*⁹ (п. Параньга РМЭ) [МНИ: № 867].

Чурание *кулай-кулай* асемантично как для русского, так и для марийского языка. В Вятской губернии игра *кулай* (русская) как вариант

⁹ Элемент *кут-кут* в параньгинском варианте — это, возможно, редкое не зафиксированное в словарях звукоподражание стуку, ср. чув. *кёт* — подражание стуку по косе молотком [ЧРС]. Ср. также русское звукоподражание *тук-тук* с тем же составом звуков.

прятки фиксировалась в XIX–XX вв. При чурании в ней кричали: *Кулай-кулай, палочка пришла, крадена пришла* [Покровский 1895: 113]. Известна эта игра также в Ярославской губернии (Пошехоно-Володарский уезд) [СРНГ XVI: 51], Нижегородской области (Вачский и Выксунский р-ны) [Девичын 1991: 273]. Чурание *Кулай! Кулай! Кулай!* используется в игре *харанючки* типа прятки в Рязанской области (с. Дубровичи) [Сёмин 2012: 293]. Чурание *кул-кула чур за себя* бытует в Оренбурге (игра называется *кулички* или *кулюкушки*, зап. в 2010 г.) [Ключева 2014: 82]. Слово *кулай* в ярославской игре фиксируется как персонажный термин (название игрока) — ‘водящий при игре в кулай’ [Мельниченко (науч. ред.) 1986: 104]. Слово *кулайка* зафиксировано и в локативном значении: «То, обо что надо было стучать, называлось кулайка, и говорили мы при этом Кула-кула я!» [Ключева 2015: 41]. В Марий Эл термин *кулайка* в таком же локативном значении употребляется в п. Новый Торъял. Интересно также, что аналогичная игра *кулай-кулай* обозначена как удмуртская народная на сайте школы д. Светозарево Слободского района Кировской области [Ключева 2015: 41].

Этимологии *кулай* посвящена статья В. А. Девичына, в которой он указывает на морд. *Э куломс* ‘умирать’ и семантический сдвиг: умирать — хоронить — хорониться — замирать — прятаться [Девичын 1991: 272–275]. Неясным осталось это слово для В. И. Вершинина, который под вопросом указывает на чув. *кйлай* ‘деревянный шар’ и рус. *гулюкальцы* ‘игра в жмурки’ [Вершинин 2017: 223]. Также под вопросом мар. *кулай дене модмо* ‘игра в прятки’ сопоставляется к коми *галё* ‘черта, кон (в игре в прятки)’ [Лыткин, Гуляев 1970: 74]. О происхождении мар. *кулай* см. также [Гордеев 1970: 13; Казанцев 1980: 111; 1986: 68; Гордеев 1982: 92; 1985: 33] и общий обзор версий [Ключева 2015: 41–42]. Мы также уже неоднократно обращались к непростому вопросу этимологии *кулай* [Ключева 2013: 146–153; Ключева 2015: 37–59], но остаются сомнения в полученных результатах¹⁰. В данной статье ограничимся указанием на связь этого

¹⁰ Прежде высказанные гипотезы: а) *кулай* в играх связано с собственным именем *Кулай* исторического персонажа, татарского мурзы времен взятия Казани (< тат., тюрк. *кул* ‘рука’, тат. *кулай* ‘удобный, сподручный, подходящий, достойный’)

чурания с марийскими звукоподражаниями стуку. В частности, ср. фразу в марийской сказке: «В одной черемисской сказке пред окном черемисина, чтобы он дал овцу, волк поет: *Кулай-кулай — Пектулай*» [Семенов 1887: 228]. Аналогично в свадебной песне о стуке в ворота:

- (7) *šula-ï ßula-ï, kapkadda-m po-tšsa!*
kula-ï ßula-ï, nala-š le-ksa!
nala-š lekte-òḡânà- pù-rê,
kapkada-m poštè-a-t òḡânà- pù-rê.
 ‘Быстрее, шулай-вулай, открывайте ворота!
 Кулай-вулай, выходите встречать!
 Без вашей встречи заезжать не будем,
 Не откроете ворота — не войдём’.
 (Сернур) [Wichmann 1931: 277], перевод Н. В. Мушкиной из републикации в [Мушкина (сост.) 2011: 161].

В марийском языке фиксируются также следующие звукоподражания стуку, фонетически близкие *кулай*, *клай*: *күлт-күлт*,

[Ключева 2013: 150–152], хотя надо отметить, что в других жанрах марийского фольклора упоминания этого персонажа нам не известны. В этом же контексте рассматриваются формульные реплики в играх типа цепи разрывные (кованые) и в играх с толканием и скаканием на одной ноге с упоминанием «татарина», «бабая»: *Кырген-кырген татарин* (у мари), *Киргиз-киргиз татарин* (у русских и мари), *Каринбаба* (вятское), *Колика-баба* (владимирское), *Калимбаба* (Нижний Новгород), *Клумбаба* (Киров), *Али-баба* (Санкт-Петербург, Тверь) и т. п.

б) от названия «город» условного места, где чураются игроки — чув. *хула* ‘город’ (< араб. *қал* ‘а ‘крепость’, тюркизм в финно-угорских языках); локативный термин переходит на предмет игры — палка в игре называется *кулайка*, далее от наименования палки — название ее при чурании (*кулай*) [Ключева 2015: 42–43]. В этом же контексте рассматриваются выкрики типа *на кули*, *за кули* в рус. играх типа чижа (в марийском соответственно *акули*, *микули*, *митули*, у мордвы — *макули*), коми *галӧ* ‘черта, кон (в игре в прятки)’, рус. диал. чурания в прятках: *гала за (Машу)*, *гала-гала за (Машу)* (Коми), *гали-гали я* или *гали-гали (Саша)* (Череповец), рус. диал. *галить* и *голить* ‘водить’ (в Предуралье, на Урале и в Сибири), возможно, также наименования прятков типа *кулички*, *гулюкушки* и т. п.

кылде-голло, кылдыр-голлодыр [СМЯ III: 228, 262], колт-колт, калт-калт, кон-кон, коп [СМЯ II: 395, 233, 433, 435], подражание тиканью часов кылт-колт [СМЯ III: 265], подражание бряцанью металлических предметов кўлдыр-гўлдыр [СМЯ III: 226] и др. Ср. чув. звукоподражания: калт, калт-калт, кайт-калт, холт, хайт-халит, хайтйрт, хайтйр-халтйр, кайтйр и др. [ЧРС]. См. также о чурании клёк в марийских, русских и др. играх с палками [Ключева 2016а: 119–128]. Кроме того, важна следующая уникальная фиксация марийского звукоподражания ударам палки по полу — кулю-кулю — в обрядовой игре в праздничный период зимнего солнцестояния, когда ряженая старуха, обходя дворы, проверяет, много ли напряли девушки:

- (8) *Шорчол кува кўнчыла тоя дене толеш. Шорчол кува: Кулю-кулю! Нангаем! Мундрат уло? Мундрам шўдырышыч? Уке гын, нангаем! Шорчол кува шўдрен ончыкта. Былдыр-болдыр шўдыржым пўтырал колта. Шўдыржо потолык марте шуэш.* ‘Шорыкйольская старуха приходит с палкой-прялкой. Шорыкйольская старуха: **Кулю-кулю!** Унесу! Есть у тебя клубок? Напряла клубок? Если нет, унесу! Шорыкйольская старуха избражает прядение. Закручивает веретено. Веретено достает до потолка’ [МФЭ-69: № 43, с. 32, № 69].

Таким образом, здесь зафиксировано кулю-кулю как марийское звукоподражание ударам палки — такое же слово звучит в приговорах водящего в русских играх в прятки, когда остальные игроки разбегаются и прячутся, отсюда и названия игр преследования типа кулюкушки, гулюкушки¹¹.

Таким образом, этимология игровой лексемы кулай все же остается затруднительной, чурание кулай имеет региональное распространение (у русских, мари и удмуртов). Исконно славянским оно не является, это проявление в русском субстрата языков Урало-Поволжья; в марийском языке русским заимствованием скорее всего не является.

¹¹ Подробный обзор русской диалектной лексики такого рода см. в [Ключева 2015: 46–47].

2.8. *Ать*

Ать — чурание в прятках (д. Починок-Кучук (Уял) Кукморского р-на, с. Ильнеть (Элнет) Меделеевского р-на Татарстана) [Вершинин 2011: 33; МНИ: № 846]. В источнике: «*ат*’ — восклицание (близко к русскому ага!) в случаях, когда кто-либо замечен при совершении неблагоприятного поступка или чего-либо, что не должно делаться; а также детьми в игре прятки при обнаружении спрятавшегося; *Ат*’, *ат*’! — *из ’ылак мо-тмышт ко-дым кычкыра-т*. ‘Дети кричат при игре ать, ать!’ (Починок-Кучук). *Ат*’, *ужым вет!* ‘Ага, я ведь увидел!’ (Ильнеть)». Соответствует русскому междометию *ать* в значении ‘возглас радости при удачной поимке кого-либо’: *Иван обиделся. — Ать, — поймал! Пойма-ал конструктор...* В. М. Шукшин, «Печки-лавочки», 1972 г. [НКРЯ]. Ср. также удмуртское междометие *ат-ат-ат*, *атта-та-та*, выражающее восхищение, восторг, удивление, ‘ай, ах, ой, ох’ и удм. *уть* ‘ишь, ух, вот’ [РУС]. Этимология марийского *ать* затруднительна, см. [Гордеев 1979: 166; Вершинин 2017: 51; Фасмер I: 96]. Если *ать* — от сигнала *ать, два* (солдатское, встречается и в играх), тогда есть основания считать его сокращением от числительного (*один, два > ать, два*) [?].

2.9. *Луаткок панды* ‘двенадцать палочек’

Чурание *Луаткок панды* (*Коля*) зафиксировано в одноименной игре *Луаткок панды* ‘двенадцать палочек’ (д. Алдеево, д. Вякшлал, с. Кузнецово Горномарийского р-на РМЭ, зап. Д. Д. Мордашова в 2017 г., инф. 1957 г. р.) [МНИ: № 895]. Т. е. название игры и формула чурания, включающая слово ‘палка’, совпадают. Этимология слов в формуле этого чурания прозрачна, все слова здесь финно-угорского происхождения: *луаткок* ‘двенадцать’ — исконное марийское числительное (*лу* ‘десять’ [Rédei 1988: 253], *-ат* ‘и (аддитивная частица)’, *кок* ‘два’ [Rédei 1988: 118–119]); *панды* ‘палка’ (мар. Г) ~ *пондо* (мар. Л) < ФП **ponte* ‘палка, посох, рукоятка,

стебель' [Rédei 1988: 734–735]. Игра с названием «двенадцать палочек» широко распространена в игровом фольклоре советских и российских детей, в частности, ареал: Чувашия [Городские диалекты], Йошкар-Ола и РМЭ, Киров и Кировская обл., Петрозаводск, Коми, Ижевск, Саранск, Самара, Уфа, п. Краснохолмский Республики Башкортостан, вариант названия «двенадцать палок» — в Московской обл. (Солнечногорск, Зеленоград) [Ключева 2014: 87, 365]. Вместе с тем в русском игровом фольклоре XIX века такая игра не зафиксирована [Покровский 1895; Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933], т. е. это не вполне традиционный, достаточно поздний игровой репертуар. В Национальном корпусе русского языка лишь 3 фиксации «двенадцать палочек» в перечислениях детских игр (1998, 2000 и 2013 гг.) [НКРЯ]. В марийском игровом фольклоре игры в двенадцать палочек фиксируются в «Материалах фольклорных экспедиций» МарНИИ, начиная с 1960–1961 гг., в разных местностях проживания марийского населения [МНИ: № 889–910]. По совокупности данных сведений, полагаем, что мар. *луаткок панды* ‘двенадцать палочек’ является переводом-калькой с русского языка.

2.10. *Накас*

В рассказе И. Одара *Таргылтыш* ‘Леший’ (1927 г.) в описании игры *Вувер тоя* ‘Палочка ведьмы’ (прятки с палочкой) звучит чурание *Ондрий, накас!* ‘Андрей неповоротливый!’ (инф.-писатель урож. д. Аганур ныне Куженерского р-на РМЭ, 1887 г. р.) [Одар 1929: 21; Китиков 1993: 12–13; МНИ: № 884]. *Накас* ‘1. диал. неповоротливый, тяжелый; 2. упрямый, своенравный’ [СМЯ IV: 137] — это, по сути, обзывание в адрес проигравшего — найденного игрока. В марийском слово происходит из чув. *накас* ‘низкорослый; толстый, неповоротливый и ленивый человек; упрямый’; ср. также тат. *на́кас* ‘трусливый, боязливый; скупой; неповоротливый’ и пр. тюркские соответствия < перс. *نالکس* ‘низкий, недостойный, негодный, подлый; трус’; букв. слово означает ‘не человек, не личность’ [Федотов 1996а: 365–366].

2.11. (Ваня) *өркы* ‘(Ваня) лентяй’

Чурание *Ваня өркы* ‘Ваня лентяй’ в игре *Увер панды* ‘палка ведьмы’ (д. Наумово Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1992 г. р.) [МНИ: № 887]. Данная формула содержит имя и «обзывание» *өркӱ* (мар. Г) ‘леность, апатия; лентяй’, *өркӱнӱш* ‘лениться’ [Саваткова 2008: 186] ~ мар. ЛВ *өркӱ* [Иванов (отв. ред.) 2011: 216], *өркӱнаш* ‘лениться’ [СМЯ IV: 380]. Этимология: < чув. *уркен* ‘лениться’, ср. тат. *ирӱн-*, баш. *ирен-* [Федотов 1996b: 301; Вершинин 2018: 393], тат. *ирегу* [Баязитова и др. (сост.) 2009: 215].

2.12. *Чок*

Чурание *чок* ‘чур’ зафиксировано в прятках у горных мари (д. Юнга Кушерга Горномарийского р-на МАССР) [Гордеев 1982: 92; МНИ: № 825], а также в игре *шилмыла* ‘в прятки’ у луговых (д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ, инф. 1927 г. р.) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 824]. Формула чурания в волжской фиксации — (*Анук*) *чок*, а действие чурания там выражается глаголом *чӱклаш*, *чоклен опташ*. Сопоставимое чурание — *чук* (*чук, чух?*) встречается в татарских играх с палками: когда водящий устанавливает на место сбитую другим игроком деревяшку, он говорит *чук* (по нашим несистематизированным данным, требующим уточнения). При этом у восточных (мензелинских) мари *чӱк*¹² — биток, кусок дерева, а *чӱкля* ‘в чук’ — название игры, где игроки, бросая палки, сбивают деревяшку (*чӱк*) со вбитого в землю кола:

(9) *Чӱкля мо-дыт, ло-мбо тойа-м кыре-н кода-т, ве-сывлак городки-гай тойа-де-не лӱйа-т, кӱ пер-вый толе-шат, чӱк-кым пыжыкта-, чӱк оз’а-лийе-ш, ве-се вӱзлӱкта-.*

‘Играют в *чук*, забивают черемуховую палочку, другие бьют, кинув, битой как при игре в городки, кто первым придет, тот

¹² Такая орфография в источнике (*чӱк*) отражает звук, промежуточный между *у* и *ӱ*.

ставит *чүк*, становится хозяином *чүк’а*, другой бежит’ (д. Мари-Буляр Муслимовского р-на Республики Татарстан) [Вершинин 2011: 681; МНИ: № 1403].

В. И. Вершинин там же отмечает, что мар. *чүк* — звукоподражание, связывает с глаголом *чөкаш*: 1) ‘метнуть, бросить (целясь) (мамадышское мар. В), 2) ‘отбивать косу (мензелинское мар. В)’; сопоставляет с рус. диал. *чигать* ‘бросать’ (Череповец), *чикать* ‘бить’, *чокать(ся)*, тат. *çйкәç* ‘молот(ок)’ [Вершинин 2011: 676]. Действительно, рассматриваемое чурание *чок* в прятках сопоставимо с марийскими звукоподражаниями: *чок* ‘подражание состоянию неподвижности’ и *чок-чок* ‘подражание звуку короткого удара, стуку: тук-тук’ [СМЯ VIII: 376, 379], *чок-чок* ‘звуки топора или ножа при рубке’, ‘о звуке при клеве (птицы)’ [Васильев 1926: 244]. В русских прятках также бытуют чурания, которые являются звукоподражательными, например: *чекá-чекá* (Кемерово), *чикá-чикá* (Кемерово, Новосибирск), *чик-чик дома* (Ижевск), *чику я* (Алтайский край, Павлодар) [Ключева 2014: 81]. Интересны также сопоставления мар. чурания *чок* с обрядовой лексикой в финно-угорских и тюркских языках Поволжья: мар. *чоклаш* (мар. СЗ *цоклаш*, мар. Г *цөклäш*) ‘молиться, приносить жертву’, чув. *чүк / чөк* ‘жертва; жертвоприношение у язычников чуваш; жертвенные яства у язычников чуваш’ [Федотов 1996b: 426–427], тат. (заказанское кряшенское) *чук* ‘название праздника, джиена, празднуемого в определенное время в определенной группе деревень’ [Баязитова и др. (сост.) 2009: 764]. М. Р. Федотов приводит также тюркские соответствия чувашскому *чүк*: тел., алт. *чок*, шор. *шок* ‘воскливание во время жертвенного кропления на идолов’, а также указание Е. Малова, что «несомненно слово *чук* происходит от еврейского *шуах* (*шух*) и значит: опускаться, нагибаться, наклоняться; для заявления кому покорности или благодарности; употребляется в смысле умолять. В Священном Писании слово это часто употребляется о поклонении Богу». Все же у М. Р. Федотова нет указания, что марийское *чок* (а также удм. *чук*, венг. *csök, csög, csökk* ‘гулянье по поводу крестин’) тюркского происхождения [Федотов 1996b: 426–427], тогда как Х. Паасонен прямо указывает, что мар. *чоклаш* ‘молиться’ произошло

из чувашского [Paasonen 1948: 158]. Ф. И. Гордеев считает чурание *чок* в марийской игре заимствованием из русского языка, связывает со звукоподражанием *чок* и глаголом *чокаться*, с украинским междометием *чоко*, передающим стук сапожных подков [Гордеев 1982: 92], см. [Фасмер IV: 371]. Однако фактами фиксации лексемы *чок* именно в играх у русских мы не располагаем. В итоге наиболее логичным нам представляется трактовать мар. чурание *чок* и тат. *çйк* в играх как сокращение от наименования молота — тат. *чүкеч* (> мар. В *чöкыс*, литер. *чöгыт*). Молот в игре как эквивалент палки, орудие стука. Тат. *чүкеч* ~ перс. *чекуш* [Исанбаев 1994: 181] и др.

2.13. Чондри, чонди

Чондри (если за себя) или (*Анук*) *чондри* (за другого) [Ключева 2014: 84; МНИ: № 824]. Марийская игра в прятки в д. Малые Параты Волжского района РМЭ называется *шилмыла* (литер. *шылмыла* < *шылаш* ‘прятаться’). На протяжении XX в. у поколений детей менялась формула чурания в этой игре: *чок* (инф. 1927 г. р., см. *Раздел 2.12*), *чонди* (инф. 1948 г. р.), *чондри* (так говорит игрок за себя) или (*Маша*) *чондри* (за другого) (поколение 1970–1980-х гг. р.). У поколения ок. 1948 г. р. для этой игры использовалось также название *чондила* ‘в чонди’. В настоящее время в обрусеваяющей деревне эта лексика практически вытеснена стандартной русской формулой *Чур сам за себя / за (Машу)*.

Помимо игры в прятки слово *чонди* (*чондри*) употреблялось в этой же деревне в игре *чондитлымла* ‘в чурание’ (инф. 1948 г. р.): «догонялки у условного места — *чонди*, которое охраняет водящий (*чонди орол* ‘сторож чонди’). Бегающие стараются задеть это место и сказать “*Чонди!*” (или “*Чондри!*”). Те, кому это удастся, освобождаются — выходят из игры с победой. Но водящий не подпускает игроков. Те, кого он заденет, сказав “(*Анук*) *чонди!*”, считаются проигравшими» [Ключева 2014: 106; МНИ: № 1177].

В марийском языке слово *чонди* (*чондри*) асемантическое, хотя вполне органичное. Ср. детские дразнилки: *Андри-чондри*,

чылдыри-пылдыри и т. п. Т. е. эта формула чурания может быть по сути обзыванием в адрес водящего / проигравшего ему игрока, хотя и с неясным значением. Наш информант 1948 г. р. по-своему объяснил *чонди* как марийскую фразу *чон, лий* ‘душа, будь (свободна)’. Удивительным представляется совпадение, что игра, совершенно аналогичная описанной *чондитлымла*, бытует в Одессе (р-н, по словам информанта, «на Заставе, на Таирова»), причем с созвучным названием — *Чундыра за себя* (варианты произношения — *Чендыра за себя, Чендура за себя*):

- (10) На днях вижу, современные пацаны тоже не забыли ее — добегают до столба / дерева, которое охраняет лоящий всех игрок, уворачиваются от него и стучат по означенному месту рукой, выкрикивая вышеозначенную фразу (инф. 1973 г. р.) [Ключева 2014: 106].

Такое же чурание используется и в одесских прятках (варианты произношения в разных районах города, помимо *чундыра / чендыра / чендура*, — *дындыра, дындыры, дындара, тындыра* [Ключева 2014: 80]. Тот же материал (с указанием ударения на последний слог), а также *дзын-дзыра́* и *дыр-дыра́* в [Романий 2013: 16].

Занесено ли было это чисто одесское слово в Марий Эл или является случайным совпадением — остается загадкой. На данный момент других фактов распространения этой формулы на территории Марий Эл, помимо указанной деревни, нет. По всей территории России ни в исторических источниках, ни в современных записях также нет ни одного упоминания о чурании со словом *чундыра* где-либо еще, кроме Одессы. Хотя варианты *дын-дыра́, дын-дара́, дыр-дыра́* имеют достаточно широкое распространение по Украине; кроме Одессы это Николаев, Херсон и окрестности, Севастополь, Луганск [Романий 2013: 16]. «Точечное» заимствование одесского чурания в марийский могло произойти в результате миграции населения во время Великой Отечественной войны, когда в Марийскую АССР из Одессы были эвакуированы некоторые заводы. (В деревне Малые Параты МАССР в годы войны жили эвакуированные дети из Ленинграда, Эстонии, Тверской области, однако не из Одессы.)

Одесское *чундыра* (*чендыр, чендура, дындыра, тындыра, дындыра, дындара, дыр-дыра*) восходит к формуле *дыр-дыр*, которая употреблялась в игре в прятки с палочкой на Украине и в XIX в. По сути, *дыр-дыр* — это звукоподражание удару палкой по дереву. В начале игры водящий произносил:

- (11) Дыр-дыр, на всех кладу палку; кто хочет берет, кто не хочет — не берет. Кого палка найдет — тот в поле пойдет [Покровский 1895: 113].

Звукоподражательный характер *дыр-дыр* становится еще более отчетливым в контексте следующей игры типа жмурок, из которой она даже и могла прийти в прятки (Екатеринославская губ., Кубанская обл., XIX в.). В этой игре (которая называется *дыркач* или *двое слепых*) игрок, которого ловят (*дыркач*), ходит с трещоткой или с зубренной палкой, по которой водит другой палочкой (*дергачет*) и при этом говорит *дыр-дыр* (*дер-дер*) [Покровский 1895: 206–207]. Что касается прятков, *чундыра* или *чендура* являются внутриодесскими вариациями этой лексемы (р-н «на Заставе, на Таирова»), относящимися ко второй половине XX в. В них звукоподражательность стуку практически утрачивается.

2.14. *Шашатура*

Шашатура — игра типа прятков (д. Элекенер Моркинского р-на РМЭ). При чурании говорят: *Шашáтурá* (*имя*), отсюда и название игры (инф. 1992 г. р.) [Ключева 2014: 84]. Бытование такого чурания в прятках подтвердила нам при опросе в 2019 г. уроженка этой же деревни 1973 г. р. [МНИ: № 845]. Чурание *шашатура* уникальное, для информантов слово является асемантическим, этимология затруднительна. Единственная гипотеза, которая у нас возникла: данное слово могло образоваться от сращивания искаженного асемантизировавшегося имени (*Саша > шаша-*) и чурания *турá*. Относительно значения последнего можно привести следующие версии:

1. *турá* ‘леший’: Согласно [СМЯ VII: 273–274], значения прилагательного *турá*: 1) крутой, отвесный, обрывистый; 2) прямой; идущий ровно в одном направлении, без поворотов; 3) крутой, резкий, внезапный; 4) прямой; правдивый, откровенный, искренний, открытый; 5) крутой, суровый, строгий; резкий, решительный; 6) меткий; прицельный; точно попадающий в цель, бьющий в упор; 7) самый; находящийся в самом разгаре, зените. С последним значением связаны выражения: *тура кече* ‘солнце в зените’; *тура кенгеж* ‘лето в разгаре’, *тура кечывал* ‘самый полдень’, от которых происходит зафиксированный в художественной литературе эвфемизм *тура* ‘леший’ [Одар 1929: 11], т. е. враждебное мифологическое существо, которое является людям ровно в полдень, ср. рус. *полудница* [Левкиевская 2009: 154–156]¹³. Расстояние между населенными пунктами, где зафиксировано чурание *тура* (д. Элекенер Моркинского р-на РМЭ), и *тура* ‘леший’ (с. Аганур ныне Куженерского р-на РМЭ) — 55 км, говоры этих деревень относятся к одному диалекту — моркинско-сернурскому говору мар. Л. Этимология: мар. *тура* < тат. *туры* ‘прямой’ [Исанбаев 1994: 156].

2. С другой стороны, *турá* — это марийское название шахматной фигуры (ладья), отличающейся толщиной [СМЯ VII: 274]. Логично использование этого слова как обзывания по отношению к найденному в прятках неуклюжему игроку. В русском языке, откуда, надо полагать, этот термин пришел в марийский, *тура* ‘ладья’ считается заимствованием из французского *tour* ‘башня, тура’, от лат. *turris* ‘башня’ [Фасмер IV: 123]. Ср. также мар. *тур* ‘чурбан’, которое употребляется и в переносных значениях по отношению к толстому человеку [СМЯ II: 272].

Кроме того, *-турá* фонетически близко и к *чурá* (*чур*) и *-дырá* (> *чондри*), см. Разделы 2.6 и 2.13. С другой стороны, ср. также мар. *шашатура* и общероссийское *штандер* (восклицание в одноименной игре с мячом) [Ключева 2014: 124–126].

¹³ В словарях марийского языка и книгах по марийской мифологии такое специфическое значение слова *тура* ‘леший, полудница’ не отражено, но подтверждается русским переводом рассказа, где *тура* в этом контексте переведено как ‘леший’ [Одар 1962: 14].

2.15. *Иук-кук — ау, куук*

Иук-кук — ау (мар. Г) — междометие клича при игре в прятки, а также на помочи [Эпин 1935: 23; МНИ: № 848]; *Куук!* (мар. Г) — междометие для выражения сигнала при игре в прятки [Эпин 1935: 48; МНИ: № 849]. В других мар. Г словарях такие междометия не зафиксированы, потому особо заметим, что автор «Горно-марийско-русского словаря» 1935 г., где они содержатся, Сергей Гаврилович Эпин (Гаврилов) — уроженец д. Янькино ныне Горномарийского р-на РМЭ, 1886 г. р. Из-за краткости описания нет полной уверенности, в какой именно ситуации звучат эти междометия; может, это и не чурание, а некие возгласы по ходу игры. Формула *Иук-кук, куук* содержит звукоподражание крику кукушки (*куку* в варианте *кук, куук*), которое могут произносить в играх с поиском как некий зов, и междометие *ау* (рус. разг.) как отклик на обращение. Ср. мар. *күжүк* 1) подражание крикам кукушки; 2) дет. употребляется в детской игре в прятки. *Күжүк! куку!* ищи меня! *күжүкым ышта* ‘прячется’; *күжүк лияш* ‘прятаться’ [СМЯ III: 223]. Еще одно также не вполне ясное свидетельство — глагол *күжүтляш* в игре *Кулай* типа прятков в д. Аганур Куженерского р-на МАССР (мар. Л):

(12) *1 күжүтля, а мольшит шылыт. Эн первый күжүтляш ок лий. Вара кычалаш тўнгалеш.*

‘Один кукует, а остальные прячутся. Сначала куковать (искать) нельзя. Потом начинает искать’ [МФЭ-80: № 115, л. 14, № 8.2; МНИ: № 857]

Логика использования звукоподражания крикам кукушки в игре может быть следующей: кукушка кукует > ‘считает’; водящий тоже обычно считает, когда другие игроки разбегаются и прячутся; следовательно, значение действия *күжүтляш* (‘куковать’ о счете вслух в начале игры) переходит на последующее действие водящего (‘искать’), обобщается до значения ‘водить в игре в прятки’; затем переходит на смежное действие игрока-антагониста — ‘прятаться’ (*күжүкым ышташ* ‘делать кукук’, *күжүк лияш* ‘быть кукук’). Такое активное

развитие семантики вполне типично для детского фольклора, игровой лексики. Исходя из этой логики, рассмотренное звукоподражание по своей функции в игре не является чуранием (т. е. восклицанием при находке игрока), хотя использование его и в этом качестве не исключается.

2.16. *Вур-вур*

Вур-вурла ‘в вур-вур’ — это игра в прятки с палочкой у горных мари (д. Шапкилей (Шапкилә) Горномарийского р-на РМЭ, инф. 1967 г. р., зап. М. А. Ключева 1 апреля 2022 г.). Ее название происходит от звукоподражания удару палкой *вур-вур-вур*, которое говорят при чурании вместе с именем игрока, при этом стучат палкой по кону. (Палка в этой игре лежит около специального отверстия для kota в двери кладовки, там же ею и стучат.) *Вур-вур* говорят, по словам информанта, чтобы всем было слышно это постукивание. Поскольку слово *вур-вур* как звукоподражание стуку не фиксируется в горномарийских словарях, его специфичность может быть связана со словом *вурды* ‘черенок (инструмента), рукоятка, ствол’ [Саваткова 2008: 41]. Черенок мог использоваться в игре вместо обычной палки, и его название (сокращенное и асемантизированное) стало восприниматься как звукоподражание.

3. Названия игр как материал к реконструкции чураний

3.1. *Күргүлен модаш* ‘играть в прятки’

Kürgüle-n moda-t ~ *күргүлен модам* ‘играю в прятки’ (с. Морки Царевококшайского у. Казанской губ., зап. В. Поркка в 1885 г.) [Moisio, Saarinen 2008: 309; МНИ: № 829]. Прочие фиксации: *күргүлэн модам* ‘играю в прятки’, *күргүлэн модмо* ‘игра в прятки’ [Васильев 1926: 90,

284; МНИ: № 799], *күргүлен модаш* ‘играть в прятки’ (инф.-писатель урож. д. Вонжедур ныне Моркинского р-на РМЭ, 1893 г. р.) [МНИ: № 833]; *күргүлен модына* ‘играем в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Кутюк-Кинер (Күчыкэнер) ныне Моркинского р-на РМЭ, 1918 г. р.) [МНИ: № 834], *күргыл модаш* ‘играть в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Мизинер Моркинского р-на МАССР, 1935 г. р.) [МНИ: № 836], *күргүлен модаш* ‘играть в прятки [?]’ (инф.-писатель урож. д. Новая (Усола) Моркинского р-на МАССР, 1940 г. р.) [МНИ: № 837], *күргылен модмо* ‘игра в прятки’ (с. Шиньша Моркинского р-на РМЭ, инф. 1959–1961 гг. р.) [МФЭ-74: № 76, тетр. 3, л. [11]; МНИ: № 831], *көргылен (кулайла)* ‘игра в прятки (в кулай)’ (с. Верхняя Шиньша Моркинского р-на МАССР, инф. ≈1962 г. р.) [МНИ: № 830], *күргүлен модмаш* ‘игра в прятки’ [Китиков 1993: 28–29; МНИ: № 838]. Таким образом, все записи игры четко локализованы — относятся к деревням Моркинского р-на. Ни в одном из имеющихся источников не содержится прямой информации о чурании, о лексеме чурания в игре.

Рассматриваемые названия игры содержат деепричастие от глагола *күргүлаш* — водить (при детской игре в прятки) [СМЯ III: 235; МНИ: № 832], т. е. глагол выражает действие водящего, видимо, звукоимитационное, поскольку очевидна звукоподражательная природа этого слова. Ср. мар. *күр-р* ‘подражание бурчащим звукам’ [СМЯ III: 238], *күрлүйк-күрлүйк, күрлүк-күрлүк* ‘о крике журавля’ [Васильев 1926: 91, 214], мар. В (сарапультское) *гүр!* ‘окрик, когда загоняют кур в курятник’ [Вершинин 2011: 74], мар. В (мензелинское) *гүйр-гүйр* ‘подзывание гусей’ [Вершинин 2011: 76], *күдыргаиш* ‘ворковать (о голубях)’, *күдырлаш* ‘токовать (о некоторых птицах)’ [СМЯ III: 214]; тат. *гөр* ‘воркование (о голубях)’ [Ганиев (ред.) 2002: 85]. Р. Г. Ахметьянов справедливо сопоставляет мар. *күргүлен* с тат. *гөрлә-ү* ‘водить в игре в прятки’ ~ баш. *гөрзә-ү, көргөлдә-ү* ‘то же’, с названием татарской игры *гөр-гөр*¹⁴ и морд. Э устар. *гурь-гурь бабаса* ‘стоять с закрытыми глазами в игре в прятки’ [Ахметьянов 2015: 236]. Раскрывая это сопоставление по этнографическим источникам, отметим мордовскую

¹⁴ Тат. *гөр-гөр* ‘жмурки, прятки’ [Ганиев (ред.) 2002: 85].

игру *Гуль-гуль*, *гулинеть* ‘Гуль-гуль, голуби’: четыре игрока перебегают из угла в угол внутри сруба, а пятый — водящий — стремится занять пустой угол во время этих перебежек. При этом игроки изображают, что они птицы и в ходе игры произносят *гуль-гуль* [Брыжинский 2008: 59–60]. Аналогичная башкирская игра называется *Күгәрсен* ‘Голуби’, и в ней водящий приговаривает:

- (13) *Күр-күр, күгәрсен,
Икебезгә бер оя.
‘Гур-гур, голуби,
Для всех нас одно гнездо’
[ДК Акбашева].*

Еще ближе к марийской игре приговорки в татарских и башкирских **прятках**, которые произносит водящий, когда остальные игроки разбегаются и прячутся, например:

- ТАТАРСКИЙ:
(14) *Гөр-гөр гөрлимен,
Вақыт күбен белмимен,
Вақыт күбен белер идем,
Мин бит сезне күрмимен.
Инде озак гөрләдем,
Моннан ары түзмимен.
‘Гор-гор, я курлыкаю,
Не знаю, сколько времени,
Узнал бы, сколько времени,
Но я же вас не вижу.
Я уже долго курлыкал,
Больше нет силы терпеть’
[Гөрләмеш]¹⁵.*

¹⁵ Башкирский вариант этой приговорки и прочие приговорки с зачином *Гөр, гөр* в башкирских играх в прятках (*гөргөлдәк*) см. в [Галаяутдинов 2002: 104–105]. Благодарим Г. Р. Шагапову за помощь в переводах с татарского и башкирского языков.

БАШКИРСКИЙ:

- (15) *Гөр, гөр, гөр тәкә,
Урмандагы бер тәкә...
Гөр, гөр, гөр оя
Бер әтәскә бер оя...
‘Гор, гор, гор баран,
Один баран, который в лесу...
Гор, гор, гор гнездо,
На одного петуха одно гнездо...’
[Галяутдинов 2002: 105].*

БАШКИРСКИЙ:

- (16) *Гөр-гөр әтәс.
Ике таыук, бер әтәс.
‘Гор, гор, гор петух.
Две курицы, один петух’
[Шагапова 2010: 97].*

Кон, т. е. место, где игроки чураются, называется в этих играх *оя* ‘гнездо’ (тат., баш.). А в описании башкирской игры в прятки (баш. *гөргөлдәк*) также есть указание, что восклицание *гөр-гөр* звучит в игре и как чурание. Когда водящий находит игрока, он говорит его имя: *Гөр-гөр, Аяз!* ‘Гор-гор, Аяз!’ [Шагапова 2010: 97].

Таким образом, звукоподражательный зачин приговорки *гөр-гөр* из татарских прятков пришел в марийский игровой фольклор, закрепившись как локальное название игры в прятки — *күргүлен модаш* и как название действия водящего — *күргүлаш* ‘водить в игре в прятки’ (только в Моркинском р-не РМЭ, мар. Л). Моркинский р-н имеет наиболее протяженную границу с Татарстаном, здесь происходит активное взаимодействие мари и татар. Принятые во внимание мордовские и башкирские материалы указывают на распространение подобных игр и игровых лексем по всему Урало-Поволжью, т. е. это общая лексика игровой культуры тюркских и финно-угорских народов региона. (Сомнительны, не раскрыты сопоставления мар. *күргүлен* с тат. *күр* ‘круг’ [Ахметьянов 2015: 453], беспорядочны сравнения с морд. *гурямс, корямс* ‘водить, прятаться’, *курянчкес*

‘прятки’, коми *горань* ‘игра в жмурки’, *куру* ‘прятки’, рус. *курюкальцы* ‘жмурки’ [Вершинин 2017: 245].)

3.2. *Вырчык-вырчык*

Вырчык-вырчык — название детской игры (‘игра в прятки’) (мар. Л, д. Нурумбал Звениговского р-на МАССР) [Гордеев 1983: 214; МНИ: № 844]. В источнике приводится достаточно неожиданное указание: «Заимств. из русского яз.: сверчок (насекомое)». Вероятно, у Ф. И. Гордеева были некие дополнительные данные, позволившие сделать такое утверждение (например, комментарий информанта при полевой работе). Тем не менее без аргументации такое сопоставление сложно принять, поскольку слово *сверчок* в русских играх в прятки не встречается и такая лексика (названия насекомых) вообще не употребительна в прятках. Мы полагаем, что логичнее видеть в этой лексеме звукоподражательное междометие, ср. в том же диалекте *вырвор* ‘о быстрых, моментальных действиях человека’ (д. Мари-Луговая Звениговского р-на МАССР), мар. Л, мар. В *выр* ‘быстро, мигом’, мар. Л, мар. Г *выр-вур* ‘быстро, мгновенно’, мар. Л, мар. В *выр-выр* ‘подражание шуму при взлете птиц’, мар. Л, мар. В *выр-выр* ‘волчок (игрушка)’ [Гордеев 1983: 211], мар. Г *вырт*, *вырт-варт*, ***выр-тик-вартик*** ‘быстро’ [Саваткова 2008: 43], мар. Г *выр-выр* ‘о биении, волнении, беспокойном состоянии сердца’ ~ мар. Л, мар. В *вур-вур* [СМЯ I: 309]. Ср. также с горномарийским чуранием *вур-вур*, см. *Раздел 2.16*. С другой стороны, название игры *вырчык-вырчык* сопоставимо с мар. Г *вурчаиш* ‘ловить; поймать кого-либо во время игры в прятки’ (д. Алешкино, Красная Горка, Токари, Картуково, Шерекей Горномарийского р-на МАССР) [Гордеев 1983: 176] ~ мар. Г *вурчаиш* ‘выручать кого-либо; помочь кому-либо в трудных обстоятельствах’ [СМЯ I: 313]. Последний глагол, очевидно, происходит от рус. *выручать* [Вершинин 2017: 95], и это соответствует действиям в игре в прятки (взаимодействию игроков, которых ищет водящий).

Представленные ниже слова — названия игр в прятки (*Разделы 3.3, 3.4*) очень специфичны, в них не исключены ошибки

фиксации, прочтения (из-за неразборчивости почерка в рукописи). Не исключено, что эти названия происходят от чураний в игре, но на данный момент ограничимся лишь фиксацией материала:

3.3. *Оприса модыш* ‘Игра оприса’ (с. Малосухоязово Бирского р-на БАССР, зап. в 1930-е гг.) [НРФ, оп. 1, № 482, л. 14; МНИ: № 802].

3.4. *Штукла* ‘Черная палка (перевод в источнике, букв. в штук)’ — «игра въ прятышки» [Троицкий 1894: 81; МНИ: № 796]. Ср. рус. *стук* и чурания типа *туки-туки*, *стуки-стуки* в прятках (см. *Раздел 2.1*).

4. Выводы

В статье представлено и рассмотрено порядка 20 чураний в играх в прятки разных этнографических групп мари. Анализ показал, что чурания в прятках связаны с чураниями в других играх преследования (догонялках, жмурках — *чур*, *чондри*, *күргүл-*), в играх с палками (*чок*, *чүк*). Среди марийских чураний есть заимствования и переводы с русского языка (*туки-туки*, *тук-тук*, *тука-тука*, *пакукрай*, *пакупрай*, *пакупрай*, *укрательный палке*, *запырт*, *ура*, *ари шаваш*, *дуаткок панды*), заимствования из чувашского языка (*накас*), из татарского (*күргүл-*, *чок*). Ряд чураний можно отнести к общей лексике языков Урало-Поволжья — т. е. это слова, имеющие распространение в разных языках региона (*чур*, *кулай* — в русском мы их определяем как субстратные). При заимствованиях подобной лексики, как правило, происходит ее десемантизация. Для марийских чураний характерна звукоподражательность (например, *вур-вур*) и упоминания палки, что, в целом, характерно для лексики игры в прятки (см. примеры подобного на русском материале во *Введении*, в *Разделах 2.2*, *2.3*, *2.12*, *2.13*, *2.16*). Более специфично использование в качестве чурания «обзывания» найденного, например: *өркы* ‘лентяй’, *накас* ‘неуклюжий’. Возгласы чураний активно участвуют в словообразовательных процессах; от них происходят названия игр, наименования

водящего, его действий в игре, предметов и локусов в игре (например, *кулай*, *кулайка*, *закулайкать* ‘зачурать’ (в русской речи марийских детей); мар. *чурлаш* ‘чурать’), которые в свою очередь могут послужить материалом реконструкции чураний при их утрате (неполных записях игры в источниках и т. п.). Этимология некоторых чураний остается проблематичной (например, *кулай*, *чондри*, *шаашатура*, *оприса*). Уточнению результатов проведенного исследования может способствовать получение новых материалов, дополнительных сведений о чураниях в играх у мари и соседних народов.

Список условных сокращений

англ. — английский; баш. — башкирский; болг. — болгарский; букв. — буквально; губ. — губерния; диал. — диалектное; ДТю — древнетюрский; дет. — детское; и.-е. — индоевропейский; инф. — информант; кр.-тат. — крымскотатарский; зап. — записал; инф. — информант; мар. — марийский; мар. В — восточное наречие; мар. Г — горное наречие (горномарийский); мар. Л — луговое наречие; мар. ЛВ — марийский лугово-восточный литературный язык; мар. СЗ — северо-западное наречие; МАССР — Марийская Автономная Советская Социалистическая Республика (ныне РМЭ); морд. — мордовские; морд. М — мокшанский; морд. Э — эрзянский; нем. — немецкий; обл. — область; ОТю — общетюрский; перс. — персидский; праслав. — праславянский; РМЭ — Республика Марий Эл; рус. — русский; сербск. — сербский; словенск. — словенский; тат. — татарский; тюрк. — тюркские, у. — уезд; удм. — удмуртский; урож. — уроженец; ФП — прафинно-пермский; устар. — устаревшее; фр. — французский; чув. — чувашский.

Литература

- Ахметьянов 2015 — Р. Г. Ахметьянов. Татар теленең этимологик сүзлеге = Этимологический словарь татарского языка. В 2 т. Т. 1. Казань: Магариф — Вақыт, 2015.
- Вершинин 2017 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2017.
- Вершинин 2018 — В. И. Вершинин. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). В 2 т. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2018.

- Гордеев 1970 — Ф. И. Гордеев. О поздних сарматских заимствованиях в восточнофинских языках // И. С. Галкин (ред.). Вопросы финно-угроведения. Вып. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1970. С. 8–14.
- Гордеев 1979 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка: В 2 т. Т. 1. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1979.
- Гордеев 1982 — Ф. И. Гордеев. Слова детской речи как предмет историко-этимологических разысканий // И. С. Галкин (отв. ред.). Вопросы марийского языка. (Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 53). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 81–96.
- Гордеев 1983 — Ф. И. Гордеев. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1983.
- Девичын 1991 — В. А. Девичын. Проявления финно-угорского субстрата в лексике и фонетике русских говоров Нижегородской области // *Linguistica Uralica*. 1991. Т. XXVII. № 4. С. 272–275.
- Исанбаев 1994 — Н. И. Исанбаев. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994.
- Казанцев 1980 — Д. Е. Казанцев. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // Н. И. Исанбаев (ред.). Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 90–119.
- Ключева 2013 — М. А. Ключева. К сравнительному изучению русской, финно-угорской, тюркской игровой терминологии (о некоторых чураниях в прятках) // Л. А. Федотова (ред.). Финно-угорская музыкальная культура и современный мир: Тезисы Международной научной конференции 7–9 ноября 2012 г. Казань: КГК, 2013. С. 146–153.
- Ключева 2015 — М. А. Ключева. К этимологии марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37–59.
- Ключева 2016а — М. А. Ключева. К генезису марийской игры «клёк» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4 (14). С. 119–128.
- Ключева 2016б — М. А. Ключева. Марийская игра в шарка (*шаркала мод-мáш*) в контексте игровой культуры народов Урало-Поволжья // А. Е. Загребин (ред.). Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. С. 444–448.
- Левитская (отв. ред.) 1989 — Л. С. Левитская (отв. ред.). Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ж», «к», «й». М.: Наука, 1989.

- Лыткин, Гуляев 1970 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970.
- Романий 2013 — Г. И. Романий. Формулы-восклицания в детских играх: прятки и «камень, ножницы, бумага» // Живая старина. 2013. № 4. С. 14–17.
- Сёмин 2012 — В. А. Сёмин. Детский фольклор с. Дубровичи Рязанской области // А. С. Каргин (ред.). От конгресса к конгрессу. Материалы Второго всероссийского конгресса фольклористов: сборник докладов. Т. 4. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. С. 291–298.
- Толстой 1995 — Н. И. Толстой. Чур и чушь // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 364–370.
- Трубачев (ред.) 1977 — О. Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4. М.: Наука, 1977.
- Фасмер I — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 (А–Д). М.: Прогресс, 1986.
- Фасмер III — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза–Сят). М.: Прогресс, 1987.
- Фасмер IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 (Т–Яшур). М.: Прогресс, 1987.
- Федотов 1996a — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Федотов 1996b — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.
- Шапошников (сост.) 2010 — А. К. Шапошников (сост.). Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 2. М.: Флинта; Наука, 2010.
- Paasonen 1948 — H. Paasonen. Ost-tscheremissisches Wörterbuch/Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948.
- Rédei 1988 — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988.

Источники

- Борисов 2008 — С. Б. Борисов. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Шадринск: Издательство Шадринского педагогического университета, 2008.

- Баязитова и др. (сост.) 2009 — Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова (сост.). Большой диалектологический словарь татарского языка = Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. Казань: Татарское книжное издательство, 2009.
- Брыжинский 2008 — В. С. Брыжинский. Мордовские народные игры. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009.
- Васильев 1926 — В. М. Васильев (Ўпымарий). Марий мутэр: турлө вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлымэ кнага = Сравнительный словарь наречий марийского языка. М.: Центральное издательство народов СССР, 1926 [на обложке — 1928].
- Вершинин 2011 — В. И. Вершинин. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.
- Всеволодский-Гернгросс и др. (сост.) 1933 — В. Н. Всеволодский-Гернгросс, В. С. Ковалева, Е. И. Степанова (сост.). Игры народов СССР. М.; Л.: Academia, 1933.
- Галяутдинов 2002 — И. Г. Галяутдинов. Башкирские народные детские игры (на русском и башкирском языках). Кн. первая. Уфа: Китап, 2002.
- Ганиев (ред.) 2002 — Ф. А. Ганиев (ред.). Татарско-русский словарь. Казань: Татарское книжное издательство, 2002.
- Городские диалекты — Лингвофорум «Городские диалекты» (электронный ресурс). Тема «Салки — пятнашки — ?» (создал Г. И. Романий 24.08.2014). URL: <https://lingvoforum.net/index.php?topic=71284.0> (дата обращения 28.07.2021).
- Гөрләмеш — Гөрләмеш (уен). Описание татарской игры в Татарской Википедии. URL: [https://tt.wikipedia.org/wiki/Гөрләмеш_\(уен\)](https://tt.wikipedia.org/wiki/Гөрләмеш_(уен)) (дата обращения 29.11.2021).
- ДК Акбашева — Видеозапись башкирской игры *Күгәрсен* ‘Голуби’ в ДК д. Акбашева Аргаяшского р-на Челябинской обл., публикация 31.11.2021 г. в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/club118595498?z=video-118595498_456239239%2Fcf79d05407a6d66e58%2Fpl_wall_-118595498 (дата обращения 25.11.2021).
- Иванов, Тужаров 1971 — И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971.
- Китиков 1993 — А. Е. Китиков. Модьш — уш погыш: марий калык модьш-влак = Марийские народные игры. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993.
- Ключева 2012 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012.
- Ключева 2014 — М. А. Ключева. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Изд. второе, исправленное и дополненное. М: Форум; Неолит, 2014.

- КЛМЯ — Корпус лугового марийского языка (электронный ресурс). URL: <http://meadow-mari.web-corpora.net> (дата обращения 28.07.2021).
- КМЯ — Корпус марийского языка / МарНИИЯЛИ (электронный ресурс). URL: <http://corp.marnii.ru> (дата обращения 28.07.2021).
- МКАУ — Марийский корпус / Арктический университет (Норвегия) (электронный ресурс). URL: http://gtweb.uit.no/u_korp/?mode=mhr#?lang=en&stats_reduce=word&scqr=%5B%5D (дата обращения 28.07.2021).
- МНИ — Марийские народные игры = Марий калык модыш / автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Серия «Свод марийского фольклора») // Архив МарНИИЯЛИ, оп. 3, д. 449.
- Иванов (отв. ред.) 2011 — И. Г. Иванов (отв. ред.). Марий орфографий мутер (=Марийский орфографический словарь). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.
- Левкиевская 2009 — Е. Е. Левкиевская. Полудница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 154–156.
- Мельниченко (науч. ред.) 1986 — Г. Г. Мельниченко (науч. ред.). Ярославский областной словарь (К–Лиова): учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1986.
- Мушкина 2011 — Н. В. Мушкина (сост.). Песни луговых мари. Ч. 1. Обрядовые песни. (Свод марийского фольклора). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.
- МФЭ — Материалы фольклорных экспедиций // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 28.07.2021).
- НРФ — Научный рукописный фонд // Архив МарНИИЯЛИ (Йошкар-Ола).
- Покровский 1895 — Е. А. Покровский. Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1895 = Репринт Санкт-Петербург: Историческое наследие, 1994.
- П. П. 1902 — П. П. Некоторые игры в с. Маяках Херсонской губернии. Материалы к изучению игры // Киевская старина. 1902. Т. 78. Сентябрь. С. 401–407.
- Одар 1929 — И. Одар. Таргылыгыш. Моско: ССР ушэм калык-влак рүдö савыктыгыш (Книжная фабрика Центрального издательства народов СССР), 1929.
- Одар 1962 — И. Одар. Леший / в рус. переводе В. Б. Муравьева. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962.
- РУС — Русско-удмуртский словарь (электронный ресурс). URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar/perevodzik.php> (дата обращения 28.07.2021).
- Саваткова 1981 — А. А. Саваткова. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1981.

- Саваткова 2008 — А. А. Саваткова. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008.
- Семенов 1887 — Т. Семенов. К вопросу о родстве и связи Мери с Черемисами // гр. Уварова (ред.). Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. С. 228–258.
- СМЯ I — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. I. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1990.
- СМЯ II — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.
- СМЯ III — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. III. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994.
- СМЯ IV — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. IV. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998.
- СМЯ VII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2002.
- СМЯ VIII — И. С. Галкин (гл. ред.). Словарь марийского языка. В 10 т. Т. VIII. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003.
- СРНГ XVI — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980.
- СРНГ XXII — Ф. П. Филин (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 22. Л.: Наука, 1987.
- СРНГ XXV — Ф. П. Сороколетов (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л.: Наука, 1990.
- Троицкий 1894 — В. П. Троицкий. Черемисско-русский словарь. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894.
- ЧРС — Чувашско-русский словарь // Электронла̄ сáмахсар = Электронные словари (электронный ресурс). URL: <http://samahsar.chuvash.org> (дата обращения 28.07.2021).
- Шагапова 2010 — Г. Р. Шагапова. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- Эпин 1935 — С. Г. Эпин. Горно-марийско-русский словарь = Кырык-марла да рушла сирым шамак книга. Козьмодемьянск: Типография Гормариздата, 1935.
- Ямде лий (=Будь готов), детская газета на марийском языке. 1991, 25 мая. № 21 (1965).
- Beke IV₈ — Ö. Beke. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₈. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2001.
- Beke IV₉ — Ö. Beke. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). (Bibliotheca Ceremissica 4). T. IV₉. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2001.

- Moisio, Saarinen 2008 — A. Moisio, S. Saarinen. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimäisten kielten tutkimuskeskus, 2008.
- Wichmann 1931 — Y. Wichmann Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen (Suomalais-Ugrilainen Seura. Vol. 59). Helsinki, 1931.

References

- Akhmetyanov 2015 — R. G. Akhmetyanov. *Tatar telenej etimologik syzlege = Etimologičeskij slovar tatarskogoazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Tatar language. In 2 vol. Vol. 1]. Kazan: Magarif — Vakyt, 2015.
- Devitsyn 1991 — V. A. Devitsyn. Proyavleniya finno-ugorskogo substrata v leksike i fonetike russkikh govorov Nizhegorodskoy oblasti [Manifestations of Finno-Ugrian substrate in lexicon and phonetics of the Russian dialects of the Nizhny Novgorod region]. *Linguistica Uralica*. Vol. XXVII. 1991. No. 4. P. 272–275.
- Fedotov 1996a — M. R. Fedotov. *Etimologičeskij slovar chuvashskogoazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 1]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.
- Fedotov 1996b — M. R. Fedotov. *Etimologičeskij slovar chuvashskogoazyka. V 2 t. T. 2* [Etymological dictionary of the Chuvash language. In 2 vol. Vol. 2]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities Press, 1996.
- Gordejev 1970 — F. I. Gordejev. O pozdnikh sarmatskikh zaimstvovaniyakh v vo-stochnofinskikhazykakh [About late Sarmatian borrowings in East Finnish languages]. I. S. Galkin (ed.). *Voprosy finno-ugrovedeniya*. [Problems of Finno-Ugric studies]. Iss. V. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History Press, 1970. P. 8–14.
- Gordejev 1979 — F. I. Gordejev. *Etimologičeskij slovar mariyskogoazyka. V 2 t. T. 1* [Etymological dictionary of the Mari language. In 2 vol. Vol. 1]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1979.
- Gordejev 1982 — F. I. Gordejev. Slova detskoy rechi kak predmet istoriko-etimologičeskikh razyskaniy [Words of child speech as a subject of historical and etymological research]. *Voprosy mariyskogoazyka (Trudy Mariyskogo nauchno-issledovatel'skogo institutaazyka, literatury i istorii. Vyp. 53)* [Problems of Mari language. (Transactions of the Mari Research Institute of Language, Literature and History. Iss. 53)]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1982. P. 81–96.

- Gordeyev 1983 — F. I. Gordeyev. *Etimologicheskiy slovar mariyskogo yazyka. V 2 t. T. 2.* [Etymological dictionary of the Mari language. In 2 vol. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1983.
- Isanbayev 1994 — N. I. Isanbayev. *Mariysko-tyurkskiye yazykovyye kontakty. Ch. 2. Slovar tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy* [Mari-Turkic language contacts. Pt. 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language Literature and History Press, 1994.
- Kazantsev 1980 — D. E. Kazantsev. K voprosu o meste i vremeni proniknoveniya iranskikh slov v drevnemariyskiy yazyk [On the question of place and time of Iranian words penetration into the Old Mari language]. N. I. Isanbayev (ed.). *Voprosy mariyskogo yazyka. Voprosy grammatiki i leksikologii* [Problems of Mari language. Topics in the study of grammar and lexicology.]. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History Press, 1980. P. 90–119.
- Klyucheva 2013 — M. A. Klyucheva. K sravnitelnomu izucheniyu russkoy, finno-ugorskoy, tyurkskoy igrovoy terminologii (o nekotorykh churaniyakh v pryatkhakh) [A comparative study of Russian, Finno-Ugric, Turkic game terminology revisited on some exclamation formulas in hide-and-seek]. L. I. Fedotova (ed.). *Finno-ugorskaya muzykalnaya kultura i sovremennyy mir: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 7–9 noyabrya 2012 g.* [Finno-Ugric musical culture and the modern world: Abstracts of the International scientific conference on November 7–9, 2012]. Kazan: Kazan State Conservatory Press, 2013. P. 146–153.
- Klyucheva 2015 — M. A. Klyucheva. K etimologii mariyskoy igry mituli [Towards the etymology of a Mari game mituli]. *Voprosy yazykoznaneya*. 2015. No. 4. P. 37–59.
- Klyucheva 2016a — M. A. Klyucheva. K genezisu mariyskoy igry «klek» [Towards the genesis of a Mari game “klyok”]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 2016. No. 4 (14). P. 119–128.
- Klyucheva 2016b — M. A. Klyucheva. Mariyskaya igra v sharka (sharkála modmásh) v kontekste igrovoy kultury narodov Uralo-Povolzhya [The Mari game of sharka (sharkala modmash) in the context of the game culture of the peoples of the Ural-Volga region]. A. E. Zagrebin (ed.). *Poliyetnicheskyy mir Yevrazii: problemy vzaimovospriyatiya* [The multiethnic world of Eurasia: problems of mutual perception]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2016. P. 444–448.
- Levitskaya (ed.) 1989 — L. S. Levitskaya (ed.). *Etimologicheskiy slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvy «zh’», «zh», «y»* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Türkic and inter-Türkic bases for the letters “ж (zh)”, “ж (zh)”, “й (y)”. Moscow: Nauka, 1989.

- Lytkin, Gulyaev 1970 — V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev. *Kratkiy etimologicheskii slovar komi yazyka* [A consile etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka, 1970.
- Romaniy 2013 — G. I. Romaniy. Formuly-vosklitsaniya v detskikh igrakh: pryatki i «kamen, nozhnitsy, bumaga» [Exclamation formulas in children's games: "hide-and-seek and rock-paper-scissors"]. *Zhivaya starina*. 2013. No. 4. P. 14–17.
- Semin 2012 — V. A. Semin. Detskiy folklor s. Dubrovichi Ryazanskoy oblasti [Children's folklore, village of Dubrovichi, Ryazan' region]. A. S. Kargin (ed.). *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo vserossiyskogo kongressa folkloristov: sbornik dokladov*. T. 4. [From congress to congress. Materials of the Second All-Russian congress of folklorists: a collection of reports. Vol. 4]. Moscow: State National Center of the Russian Folklore Press, 2012. P. 291–298.
- Shaposhnikov (comp.) 2010 — A. K. Shaposhnikov (comp.). *Etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka*. V 4 t. T. 2. [Etymological dictionary of the Modern Russian Language. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow: Flinta; Nauka, 2010.
- Tolstoy 1995 — N. I. Tolstoy. Chur i chush [Chur and chush]. N. I. Tolstoy. *Yazyk i narodnaya kultura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 1995. P. 364–370.
- Trubachev (ed.) 1977 — O. N. Trubachev (ed.). *Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond*. T. 4 [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical corpus. Vol. 4]. Moscow: Nauka, 1977.
- Vasmer I — M. Vasmer. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. V 4 t. T. 1 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 1]. (A–D). Moscow: Progress, 1986.
- Vasmer III — M. Vasmer. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. V 4 t. T. 3 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 3] (Muza–Syat). Moscow: Progress, 1987.
- Vasmer IV — M. Vasmer. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. V 4 t. T. 4 [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 4] (T–Yashchur). Moscow: Progress, 1987.
- Vershinin 2017 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozheniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskii slovar)*. V 2 t. T. 1 [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 1]. Yoshkar-Ola: String, 2017.
- Vershinin 2018 — V. I. Vershinin. *Mariy mut-vlakyn kushech liymysht (etimologiy muter) = Proiskhozheniye slov mariyskogo yazyka (etimologicheskii slovar)*. V 2 t. T. 2. [The origins of words in the Mari language (etymological dictionary). In 2 vols. Vol. 2]. Yoshkar-Ola: String, 2018.